

Дипломатические усилия России по ратификации Петербургского договора 1723 года

Russia's Diplomatic Efforts to Ratify the Treaty of St. Petersburg of 1723

Нигяр Гезалова / **Nigar Gozalova**

Institute of History named after Abbasgulu Agha Bakikhanov,

Azerbaijan National Academy of Sciences

nigar22@gmail.com

ORCID ID:
0000-0002-2749-9556

Daxil oldu /
Received: 24.07.2025

Qəbul olundu /
Accepted: 05.09.2025

Резюме

Изучение истории дипломатических отношений и заключения двусторонних договоров между Сефевидским государством и Россией имеет ключевое значение для реконструкции международных процессов XVIII века. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств Сефевидов при российском дворе именно договорная практика и процесс ратификации становились основной формой поддержания межгосударственных контактов. Особый интерес представляет анализ деятельности российских дипломатических миссий, стремившихся добиться ратификации Петербургского договора 1723 года в период глубокого политического кризиса и дезинтеграции Сефевидского государства. Несмотря на важность темы, число специальных академических исследований по проблеме невелико, и существующие разработки представлены в ограниченном количестве статей.

Ключевые слова: Сефевидское государство, Россия, дипломатия XVIII века, Петербургский договор 1723 года, ратификация, международные отношения, дипломатические миссии.

Abstract. The study of diplomatic relations and bilateral treaty-making between Safavid Iran and Russia is of fundamental importance for understanding the international dynamics of the eighteenth century. Due to the absence of permanent Safavid diplomatic missions at the Russian court, treaty negotiations and ratification procedures served as the primary mechanism for maintaining interstate communication. Particularly significant is the analysis of Russian diplomatic efforts to secure the ratification of the 1723 Treaty of Saint Petersburg during a period of severe political crisis and disintegration within the Safavid state. Despite the relevance of this issue, dedicated academic research remains limited, and the topic is addressed only in a small number of scholarly articles.

Key words: Safavid state; Russia; eighteenth-century diplomacy; 1723 Treaty of Saint Petersburg; ratification; international relations; diplomatic missions.

Введение

В начале 20-х г. XVIII в. кризис Сефевидского государства завершился его крахом, в чем существенную роль сыграли восстания, вспыхивающие один за другим по всей стране. Абсолютная неспособность выродившейся монархии Сефевидов к эффективному противодействию внешней угрозе привела к капитуляции шахского двора перед афганским предводителем Мир Махмудом, а шах Султан Хусейн (пр.1694–1722) вынужден был уступить власть афганцам. [1, p.15] Продолжавшееся семь лет афганское владычество сопровождалось насилием и грабежами, разорением городов, опустошениями многих регионов страны. Сын Шаха Хусейна – Тахмасип, бежавший из Исфахана в сопровождении восьмисот каджаров, еще в июне 1722г., а 30 октября того же года объявил себя шахом Тахмасипом II (пр.1722-1729). [6, p.113] Но у нового шаха не было, ни денег, ни армии, и при приближении афганского войска он вынужден был, бежать из Казвина сначала в Тебриз, а потом в Ардебиль. [26, с.82] В течение последующих 7 лет Сефевиды частично сохраняли власть только в северных районах страны.

Крушение империи не явилось неожиданностью для главных заинтересованных сторон — России и Османской империи. Еще в 1715 г. Петром I было отправлено в Исфаган посольство во главе с А.П. Волынским (которое пребывало в Сефевидском государстве в 1716–1718 гг.) с разведывательной целью. Официально А.П. Волынскому было поручено заключить с сефевидским правительством торговый договор и организовать в наиболее значительных торговых пунктах региона и Азербайджана русские консульства и вице-консульства. 30 июля 1717 г. между Волынским и главным шахским министром этимад-уд-довле Фатали ханом был заключен торговый договор, названный «ассекурацией» (обнадеживание). [14, с. 46–58] Результатом заключения этого договора стало открытие Российского консульства в Исфагане, Ширване и Гиляне. [1, p.4] Описав критическое положение Сефевидского государства, по возвращении в Россию, Волынский не только снабдил Петра обширной информацией о политической ситуации, но и убедил его в том, что Сефевидское государство неминуемо движется к краху. Вследствие этого кризиса, Волынский предлагал российскому правителю малыми силами захватить часть сефевидской территории, пока это за него не сделает другое государство. [8, p.107]

О подготовке Петра I к походу в Сефевидское государство свидетельствуют экспедиции, предпринятые российскими исследователями задолго до Прикаспийского похода. Для исследования ситуации в регионе в 1714–1720 гг. под видом изучения

торговых путей на западный и восточный берега были посланы экспедиции: в 1714–1715 гг. А. Бекович-Черкасский, в 1718 г. А. Кожина и В. Урусова, а в 1719–1720 гг. К. Вердена и Ф. Соймонова. В результате этих экспедиции была составлена сводная карта всего Каспия. Примечательно, что в следующий раз к исследованию прикаспийских территорий российские исследователи вернулись лишь в 1726 г. (очередная экспедиция Ф. Соймонова [35]), то есть через три года по окончании Прикаспийского похода. Для достижения своих целей Петра I проводил тщательную подготовку к Каспийскому походу с предварительным изучением экономических, политических, дипломатических, военных, региональных и международных аспектов этой широкомасштабной по своему времени акции.

Кроме того, велась и идеологическая подготовка похода на восток, так Петр I поручил князю Кантемиру, как знатоку Востока, ведать походной канцелярией. Владение восточными языками позволило Кантемиру сыграть в этом походе видную роль. Он изготовил арабский наборный шрифт, организовал специальную типографию и напечатал на азербайджанском, турецком и персидском языках сочиненный и переведенный им Манифест Петра I к народам Сефевидского государства от 15 июля 1722 г. [21, с.28; 13, р.179] В манифесте говорилось, что русские войска выступают на помощь шаху Хусейну против поднявших мятеж «бунтовщиков», которые не только с оружием в руках выступали против «государя своего», но нанесли ущерб российским купцам и торговле. 24 июня Петр отправил поручика к шамхалу Адиль Гирею с манифестом, «поручив передать несколько копий шамхалу самому, прочие разослать в Дербенд, Шамаху и Баку». [21, с.154-155; 5, р.187]

В результате в октябре-декабре 1722 г. Россия захватила Дербент, (заложив крепость Св. Креста в приморском Дагестане при слиянии Аграхани и Сулака) и Решт (Гилян). Баку был захвачен русскими войсками в 1723г. [20. с.50-51] В результате прикаспийского похода Петра I 1722–1723 гг. узкая прикаспийская полоса попала под власть России, остальная часть юго-восточного Кавказа, (в том числе большая часть провинции Азербайджан), а также западный Иран под власть Османской империи (1723–1726).

Одновременно с военными действиями Петр I стремился дипломатическим путем добиться от Сефевидского государства признания закрепления за Россией части захваченных Прикаспийских провинций. Еще в начале похода (22 июня 1722) русскому консулу при Сефевидском дворе С. Аврамову был дан приказ склонить шаха

к союзу с Россией и убедить его в том, что русские войска «идут к Шамахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали...», то есть, для наказания виновников ограбления и убийства русских купцов в Шамахе (1721), а также подчеркивая, что Россия не может допустить, чтобы прикаспийские провинции попали под власть Османской империи «ибо турок тут допустить не можем». [21, с. 141–143]

В результате, 12 сентября 1723 г. в Петербурге был заключен договор с сефевидским послом Исмаил беем, (который не имел полномочий на заключение этого договора) «о вечной дружбе и помощи России Сефевидскому государству против бунтовщиков». Поэтому договору, Сефевидское государство уступало России в «вечное владение» прикаспийские провинции Дербент, Баку, Гилян, Мазендаран и Астрабад. Стороны обязывались оказывать взаимную помощь в случае нападения на одну из них. [7. р.11] Эти провинции, по определению Маркхама, были самыми богатыми и значительными провинциями Сефевидского государства. [9, р.293] Следует подчеркнуть, этот договор никогда не был ратифицирован шахом Тахмасипом.

Весть о русско-сефевидском договоре также усилила активность турецкого правительства. Османский двор узнал об этом договоре через Венецианскую газету, издаваемую в Италии, где был дан перевод договора, взятый из петербургских газет. Кроме этого, в руки турков попала копия договора, посланного Петром Неплюеву (послу России в Стамбуле). Договор широко рекламировался в Европе в духе усиливавшегося враждебного отношения к России. [8, р.228-300] Турецкое правительство ответило на русско-сефевидский договор заявлением о принадлежности ей всех Сефевидских земель. Оно послало указы пограничным войскам быть готовыми к войне. [28, с.30]

Однако расчеты на безропотное подчинение ослабевшего Сефевидского государства внешней силе оказались глубоко ошибочными. Помимо того, ни договор России с Сефевидским государством (1723), ни договор России с Османской империей (1724) не были признаны шахом Тахмасипом II, местное население захваченных территорий также отказывались подчиняться. Тяжелые последствия афганской, османской и русской оккупации способствовали подъему освободительной борьбы против захватчиков под руководством талантливого полководца Надира из тюркского рода Афшаров (он принял имя Тахмасипкули хан). [20, с.66]

Миссия Мещерского

Первые русские консульства в Сефевидском государстве (Исфахане и Шемахе) появились после заключения договора в 1720 г. В декабре 1720 года консулом в Исфахан был назначен Семена Аврамов [36, с.106], а в Шемахе - капитан Алексей Баскаков. Официально они должны были добиваться от местных правителей «всякого вспоможения» российским купцам на предмет беспрепятственной покупки и вывоза шелка-сырца в Астрахань. А неофициально им надлежало собирать сведения военного и политического характера. [26, с.42]

Следует отметить, что на протяжении всего XVIII века Российские дипломаты не имели постоянного места пребывания в Сефевидском государстве, они находились в Реште (Гиляне), Гяндже и др. Постоянное представительство появляется только после 1723 г. [36, с.105] Вслед за подписанием договора 1723г. Россия приняла решение направить в Сефевидское государство для постоянного пребывания своего официального дипломатического представителя. [24, с.303] Указом от 18 сентября 1723 г. российским резидентом был назначен Преображенского полка унтер-лейтенант князь Б.В. Мещерский и секретарь Семён Аврамов. В апреле 1724 г. посольская миссия въехала в сефевидские владения. В связи с беспорядками в стране послы несколько раз подвергались нападению по дороге из Решта в Ардебиль, однако посольской охране каждый раз удавалось разогнать нападающих. Тахмасип II обосновавшийся на некоторое время в Казвине, здесь его и застал Семен Аврамов. 7 сентября 1722 он доложил, что был принят шахом Тахмаспом и передал ему предложение о союзе с Российской империей. [26, с. 82] Шах Тахмасип милостиво принял Мещерского, ему был преподнесли подарок Петра I (золотой кальян). Однако шах, категорически отказался от ратификации договора, заявив, что Измаил-бек не имел полномочий на заключение договора, передававшего прикаспийские провинции Сефевидского государства под юрисдикцию России и он был послан только для подтверждения дружеских отношений. [26, с.125-126]

«Второе учинено чрез лист, писанный от канцлера к Эхтиматдевлеу Персидскому, который лист для отослания отправлен к Генерал-Поручику Матюшкину, понеже ведомость получена, что Шах Тахмасиб, заключенный с послом его трактат не токмо не апробовал, но и посланного к нему резидента российского с бесчестьем назад отослал». [24]

В конце мая 1724 года Мещерский и Аврамов, ничего не добившись, отправились в обратный путь. Еще одна попытка утвердить договор была предпринята

по указанию из Петербурга в ноябре 1725 года С.Аврамовым, которому вновь предписали ехать к шаху Тахмаспу II за ратификацией договора. В случае отказа шаху было велено напомнить, что Россия может подумать: «Что ежели Шахъ Тахмасибъ не склонится, то мы о другомъ кандидат согласиться готовы, и действовать будемъ, къ чему всь надлежащія приуготовленія чинятся». [24, с.161] Консул провёл в ставке шаха с мая 1726 по январь 1729 года.

Попытки ратификации договора Долгоруковым и грузинским царем Вахтангом

Чем более успешнее было продвижение Османских войск в регион, тем активнее Россия стремилась добиться формального соглашения с шахом Тахмасипом II и ратификации договора 1723, и для этого уже в 1726 вместе с новым командующим В.В. Долгоруковым в Гилян убеждать шаха Тахмаспа прибыл и бывший картлийский царь Вахтанг VI вместе с грузинским князем Амилахором. [26, с.305,308]

В результате успешной освободительной миссии Надира позиции афганского Ашрафа значительно ослабли, поэтому с 1728 г. российские дипломаты начали проводить работу по налаживанию дружеских отношений с лагерем шаха Тахмаспа II и его главнокомандующим Тахмаспули-ханом. Были направлены ценные подарки для приближенных и военачальников шаха Тахмаспа II. [29, с.147] Можно сказать, что начиная с 1727 г. переговоры от имени шаха Тахмаспа II с Россией ведет лично Тахмасипкули-хан.

Вновь состоялся обмен посланниками, в одном из посланий от сефевидского шаха Тахмасипа, присланной с послом Магомет Несирем отмечалось: «Изъяснение неудовольствие шаха на российской двор за то, что оный согласился с турками для разделу Персии, уведомлял, что Азербужан и Грузия заняты турецкими войсками и что он, шах Тахмасиб, одержал много успехов против бунтовщиков. Желает дружбы и союза с Россиєю (сия грамота не находится в собрании трактатов, а особенно между персидскими делами в переводе на коем надписано, что генерал-фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгоруков в бытность свою в верховном тайном совете июня 12, 1728 года отдал оную в Коллегию иностранных дел)». [17]

В конце 1729 года Тахмасипгулу-хан изгнал афганцев и восстановил власть Сефевидов в Исфахане в лице шаха Тахмасипа II. В следующем году ему удалось вернуть захваченный османами весь западный Иран и большую часть Азербайджана, включая (в августе 1730 года) Ардебиль. [12, р. 103] С возрождением и укреплением Сефевидского государства, оно, естественно, сделало попытку вернуть все свои

бывшее владения. Сразу после вступления в Исфахан, Надир потребовал от Османской и Российской империй возвращения всех земель, ранее принадлежавших Сефевидам.

Дипломатическая активность Левашева

Генерал-лейтенант Левашов был направлен в апреле 1723 г. в Гилян для «принятия» сефевидских земель «отошедших» к России по Петербургскому договору 1723 г. 16 сентября Петр I назначил его «верховным управителем над всеми завоёванными провинциями». [36, с.106] Стремясь закрепить в регионе, Россия, приняла решение вести переговоры не только с Тахмасипом но и с Ашрафом с целью принятия ими условий Петербургского (1723) и Стамбульского договоров (1724) года. Российские дипломаты одновременно вели переговоры с двумя группировками — афганской (хана Ашрафа) и сефевидской (шаха Тахмаспа II). В результате переговоров с Ашрафом в феврале 1729 г. генерал-лейтенант Левашов заключил в Ярце (Реште) договор [17], афганцам были возвращены еще незанятые российскими войсками Астрабад и Мазандаран.

В августе 1730 года российская императрица Анна Иоанновна назначила Левашова генерал-аншефом и «главным командиром» в новозавоеванных землях. [30, № 3848] Через два года она заменила его сначала генерал-лейтенантом П. Лефортом, а затем назначила на его место майора гвардии и генерал-лейтенанта принца Людвига Груно Гессен-Гомбургского; но вскоре отозвала и его вновь назначив Левашова (указ от 27 июля 1733 г.). [33, с.347–348, 369] Он занимал этот пост до самого окончания российского присутствия на Южном Кавказе в 1735 году. [26, с.218] Таким образом, Василий Яковлевич Левашов был вновь произведен в генерал-аншефы и «главные командиры» Низового корпуса, но «вторым полномочным министром» к нему был приставлен П.П. Шафирова.

Генерал-аншеф В.Я. Левашов, став командующим российскими войсками в новозавоеванных провинциях Прикаспия и фактически российским наместником в регионе, организовал целую разведывательную сеть: «Повсюду шпионы от нас непрестанно отправляютца», - доносил Левашов императрице Анне Иоанновне в сентябре 1731 г. Приходно-расходные книги администрации 1729-1731 гг. из фонда «Бакинский комендант» архива содержат не только имена этих «шпионов». С 1726 г. эти «шпионы» из местных регулярно направлялись в Решт, Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед и др. города и, возвратясь через две-три недели, доставляли собранные сведения и слухи. [26, с. 243]

1730 год прошел в бесплодных переговорах с прибывшим в Реште эхтима-девлемом Мирзой Рехимом. С сефевидской стороны звучали требования о возвращении провинций, переговоры с представителем шаха вновь закончились безрезультатно. Для установления контакта с новой политической силой в лице влиятельного Тахмаспукули-хана к шахскому двору в Казвин были отправлены подполковник Иван Юрлов и неизменный Семен Аврамов. [15, с.17-19] Они везли от имени Левашова письмо к его новому «высокопочтеннейшему другу» с сообщением о смерти Петра II и восшествии на престол Анны Иоанновны. [26, с.323]

Юрлов и Аврамов вернулись в Решт без всякого ответа, но вслед за ними прибыл посланец Тахмаспукули-хана Мирза Мухаммед Али. На приеме у Левашова посол от имени шаха вновь потребовал вернуть прикаспийские земли, на что генерал ответил, что провинции от России возвращены не будут, а на угрозы войной он напомнил, что Россия может и прийти к соглашению с турками. Далее командующий заявил, что такие важные проблемы не решаются ультиматумами, а являются предметом переговоров уполномоченных лиц. Стороны договорились продолжить переговоры. [26, с.324]

В начале 1730 года в Москву прибыл шахский посол Мирза Ибрагим с предложениями: если Россия поможет очистить территорию Ирана от турецких оккупантов, то шах уступит ей как уже занятые русскими войсками области, так и обещанные по заключенному в 1723 году с Петром I договору. В противном же случае все прикаспийские области подлежат возвращению Сефевидскому государству. [26, с. 325] Тем временем обстановка на международной арене резко изменилась. Оказавшись перед перспективой войны из-за конфликта вокруг польского престола и угрозой военных действий на Кавказе, Российское правительство решило вывести свои войска из прикаспийских областей, чтобы превратить Сефевидское государство из потенциального противника в союзника. Как сообщал британский резидент в Санкт-Петербурге К. Рондо: «Я не раз имел честь доносить вам о намерении здешнего двора возратить Персии все присвоенные от нея области, как только представится возможность поступиться ими без ущерба достоинству России». [34, с. 401] Анна Иоанновна (1730–1740) дважды созывала «тайный совет» (в мае и августе 1730 года) на котором было решено вернуть захваченные земли, единственному легитимному претенденту на эти территории, а именно представителю династии Сефевидов Тахмаспу II. В октябре 1730 г. императрица Анна Ивановна, встревоженная высокой смертностью от лихорадки и чумы в российских отрядах, размещенных в Гиляне,

отправила Тахмасипу письмо, в котором она поставила условия, по которым Россия соглашалась вернуть эту провинцию. По словам вице-канцлера Остермана: «Главнейшее дело как для России самой, так и для обхождения российского с турками, ныне в том состоит, чтоб какими ни есть образы и способы шаха к принятию того с турками заключенного трактата склонить». [25]

Между тем Тахмаспули-хан требовал прибытия русских послов в Тебриз. Там оставался Аврамов, а в феврале 1731 года Левашов вновь отправил к нему подполковника Юрлова - с официальной грамотой о вступлении на престол Анны Иоанновны и «наказом побудить шаха не мириться с турками». [26, с.328] В тоже время в апреле 1731 г. в Решт прибыл с опозданием Барон Шафиров, направленный для заключения двустороннего соглашения, вез шаху «соболей и другой мягкой рухляди» на сумму 1600 рублей, а «особливо на расходы мягкой рухляди» (на подарки приближенным сановникам) еще на сумму в 3 тыс. руб. Особой статьей в отправляемых товарах обозначались ловчие птицы: кречеты, соколы, балабаны, ястребы. [29, с.145] Также приехавший в Решт Мирза Ибрагим поначалу заявил, что имеет лишь инструкцию принять у русских провинции без всякого договора, а затем все же согласился на переговоры. [26, с.329] Они пошли успешно: согласно представленному российской стороной проекту империя ради «вечной соседственной дружбы» уступала шаху Гилян и Астару «по Куру реку» и обещала отдать оставшиеся территории, когда западные земли Сефевидского государства будут освобождены от турок, а также российские представители надеялись на некоторую денежную компенсацию за уступленные земли. Мирза Ибрагим отбыл к шаху с российским проектом; переговоры продолжились в Тебризе, куда был направлен капитан Кутузов с подарками для шаха - ловчими птицами (ястребами, кречетами и соколами); правда, в августе 1731 года он до шаха так и не доехал - вынужден был повернуть назад от Ардебиля. [26, с.330-331] Из-за турецкой кампании Тахмасипа переговоры были совсем прерваны, и только в январе 1732 г., был подписан Рештский договор. Россия соглашалась в течение 5 месяцев вернуть все захваченные ею территории за исключением земель, расположенных к северу от Куры, которые они должны были удерживать до тех пор, пока турки не будут вытеснены из за-падных земель Азербайджана, Грузии и др. сефевидских провинций, остававшихся у них. Русским купцам в Сефеидском государстве и сефевидским купцам в России была предоставлена свобода в торговле, и каждое государство обязалось иметь дипломатического представителя при дворе другого. [7, p. 58]

Одновременно Надир вел переговоры с российскими послами, выражая им свое недовольство тем, что российское правительство не желало возвращать все прикаспийские области, и в первую очередь Баку и Дербент. В октябре 1734 г. Надир осадил Гянджу [4, р. 465], где находился большой турецкий гарнизон под командованием Гаджи Али паши, и крымского султана Фаты Гирея, усиленно оборонявшего крепость. Пока шла осада, Надир обратился к русскому послу, находившемуся тут же, с требованием возврата прикаспийских областей, а именно Баку и Дербента. Оказавшись перед перспективой войны из-за конфликта вокруг польского престола и угрозой военных действий на Кавказе, царское правительство решило вывести свои войска из прикаспийских областей, чтобы превратить Сефевидское государство из потенциального противника в союзника.

Результатом этих переговоров, согласно Локкарту, стало подписание Гянджинского договора от 10 марта 1735 г. Россия обязалась покинуть Баку через неделю, а Дербент через два месяца после подписания договора. В ответ Шах обязался быть вечным союзником России и никогда не уступать Баку и Дербент третьей стороне (то есть Турции). Река Сулак была установлена как граница между Россией и Сефевидским государством. Оба государства обязались не вести мирных переговоров с Османской империей без обоюдного уведомления. [7, р. 86] Хотя Россия лишилась последних завоеваний Петра в этом регионе, все же, она следовала основному принципу своей восточной политики, «не допустить укрепления в этом регионе Турции» [11, р. 96; 8, р. 188], поэтому вопрос о передаче земель Шаху вызывал меньше беспокойства. Так, К.Рондо в своем сообщении доносил: «...Ея Величество, чего бы это ей ни стоило, никогда не даст туркам укрепиться на Каспийском море». [34, с. 427]

В то же время осада Гянджи затянулась. Полагая, что промедление в захвате Гянджи не отвечает российским интересам, так же как интересам Сефевидов, императрица предложила Надиру помощь. В результате этого, как замечает Локкарт, «Левашов направил офицер – инженера и четырех артиллеристов, переодетых в иранскую одежду, а также несколько крупных артиллерийских орудий в шахский лагерь». [7, р. 85] Согласно Куку, Голицын (посол России в Сефевидском государстве) отправил письмо Надиру, где указывал, что все готово и приглашал его приехать, на что тот ответил, что «сейчас он этого сделать не может, но они могут начинать, как только посчитают себя готовыми; и что он присоединится к ним, как только им удастся добиться каких-то результатов. Но он ошибся в этом ..., что показало, что персы ничего не понимали в артиллерии. Хотя Надир был рад, что крепость пала, он

расстроился, что не смог присутствовать при этом». [4, p. 465–466]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Петербургский договор 1723 года, направленный на обеспечение стратегических интересов России в Каспийском регионе, столкнулся с рядом серьёзных препятствий на пути к ратификации. Отказ шаха Тахмаспа II признать договор создал значительную проблему, что вынудило российскую дипломатию предпринять серию миссий с целью добиться его согласия. От дипломатических шагов Мещерского до стратегических действий Левашова — каждый из посланников с настойчивостью и гибкостью пытался преодолеть сложную политическую ситуацию в Сефевидском государстве. Несмотря на давление со стороны России и вмешательство Османской империи, российские дипломаты продолжали последовательно добиваться ратификации соглашения.

При этом особое внимание заслуживает принципиальная позиция самого Тахмаспа II, который, несмотря на политическое и военное давление с обеих сторон, так и не ратифицировал Петербургский (1723) и Стамбульский (1724) договоры. Именно отказ узаконить территориальные уступки России и Османской империи стал, пожалуй, наиболее значительным достижением его краткого, но напряжённого правления. Это сопротивление засвидетельствовало его стремление сохранить территориальную целостность государства, даже в условиях глубокого кризиса и внешней интервенции.

Согласно заключенным Рештским (январь 1732 г.) и затем Гянджинским договорам (март 1735 г.) Россия, уступала шаху все завоевания Петра в этом регионе; следуя основному принципу своей восточной политики, «не допустить укрепления в этом регионе Турции» [11, p. 188], поэтому вопрос о передаче земель Шаху вызывал меньше беспокойства. За проявление Россией «доброй воли», Надир обещал быть союзником России и без её ведома не вести мирные переговоры с Османской империей.

Россия пошла на это по двум причинам. Во-первых, большая часть южно-кавказских приобретений Петра фактически под русскую власть так и не перешла. Во-вторых, назревал конфликт России с Османской империей. Вассал султана крымский хан получил приказ совершить очередной набег на русские пределы. Это произошло уже в 1735 г. Надир к тому времени уже одержал ряд побед над турками и освободил от них Южный Кавказ. Положение Османской империи было крайне сложным, им

приходилось воевать и с Сефевидами, и с Россией, а позже и с Австрией (с 1737 г.); русские дипломаты любой ценой хотели предотвратить мир Османов с Сефевидами, дабы иметь союзника на юге.

Россия надеялась, что ирано-турецкая война оттянет сроки её войны с Турцией на Азово-черноморском побережье (война 1736–1739 гг.), но именно эта война и привела к разрыву между Турцией с Россией. О войне с Сефевидским государством Россия думать не могла, ей нужен был союз с ним для совместных действий против Османской империей в будущем. Первым условием такого союза было возвращение Сефевидскому государству занятых Россией прикаспийских провинций.

Несмотря на старания России, Надир, уже после начала русско-турецкой войны (1735–1739), вступил в односторонние переговоры о мире с Османской империей и фактически к 1736 г. полностью восстановил границы Сефевидского государства. Укрепив свою власть и влияние в стране (Османская империя договор не ратифицировала), Надир (пр.1736–1747) в марте 1736 года на курултае (собрание знати) в Мугане, низложив Сефевидскую династию, провозгласил себя Шахом, или Вали-Неймат.

Сведения многочисленных российских дипломатических миссий и консулов, направленных в Сефевидское государство после прикаспийского похода Петра I (1722–1723) и заключение Петербургского договора 1723г. свидетельствовали, что, фактически начиная с 1727 г., все внешнеполитические вопросы и официальные переговоры от имени шаха Тахмаспа II с Российской империей возглавляет Тахмаспули-хан (впоследствии Надир шах). Именно начиная с этого времени, Тахмаспули-хан принимал непосредственное участие и фактически определял условия при ведении переговоров, и в ходе подписания русско-сефевидских договоров 1732 г. и 1735 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Atkin Muriel Russia and Iran 1780-1828. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1980. -p.216.
2. Avery P. Nadir Shah and Afsharid legacy. The Cambridge history of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic. Vol. VII. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, p.3-62.
3. Başbakanlık Osmanlı Arşivi [BOA], Hatt-i Hümayiun [HAT.], BOA. Name-I

Humayun Deferi, nr. 7. Shf. 78-82.

4. Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and Part of Kingdom of Persia. Vol. II. Edinburgh, 1770. – p.646
5. Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with the author's journal of Travels from England through Russia into Persia and back through Russia, Germany and Holland. Vol. II. London: Dodsley, 1762. -p.187.
6. Krusinski J.T. The chronicles of Travellers: or a history of Afghan wars with Persia, in the beginning of last century, being translation “Tarekh-i Seeah” from the Latin of J.C. Clodius. London: J. Ridgway.1840.-p.208.
7. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzac & Co, 1938.-p.344.
8. Lockhart L. The fall of the Safavi dynasty and the afghan occupation of Persia. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.-p.583.
9. Markham C.R. A general sketch of the History of Persia. London: Longman's Green and Co., 1874.-p.633.
10. Osmanlı devleti ile Azərbaycan Turk Hanlıkları arasındaki münasibetlere dair arşiv belgeleri, cilt I-II. Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy, (1575-1918). Ankara, 1992.
11. Sykes P. A history of Persia. Vol. II (in two volumes). London: Macmillan & co. ltd. 1921. -p.595.
12. Tapper R. Frontier Nomads of Iran: A Political and Social History of the Shahsevan. New-York: Cambridge University Pres. 1997. – p.456 .
13. Əliyev F.M. Şimali Azərbaycan şəhərləri. Bakı: Elm, 1963. -136 s.
14. Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П. Волынского в Азербайджане. Баку: Элм, 1979.-122с.
15. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII века, Сборник документов, т. III, В. Восканян,. Дж. Галустян, В. Мартиросян, Ереван, 1978.
16. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721–1725 год. Ч. 4: 1724-й и 1725-й годы. — М.: В типографии Лазаревского института восточных языков, 1860. -242 с.
17. Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньине. Режим Доступа: https://drevlit.ru/texts/b/b_bronevskiy2.php Дата доступа: 25.05.2023.

18. Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. Москва.: Наука, 1978 -288 с.
19. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. Москва: Наука, 1979. - 271 с.
20. Гезалова Н.Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). Москва: ИРИС ГРУПП, 2010. - 244с.
21. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, том IX, издание второе. Москва: В типографии Николая Степанова. 1838. -501с.
22. Густерин П.В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. Москва: Восточная книга, 2008. -112с.
23. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Сост. Т.Д. Юзефович, СПб., 1869. -326 с.
24. «Записка о политических отношениях России к европейским государствам, Турции, Персии и Китаю, поданная в верховный тайный совет вице-канцлером бароном Остерманом, в 1726 году». //«Русский Вестник» том второй, 1841. с.303-306.
25. Записки Барона Остермана о политических сношениях России в Турции, Персии 1726 г. Режим Доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Osterman/text1.phtml?id=7659> Дата доступа: 25.05.2023.
26. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1723). Москва: Квадрига, 2010. - 375с.
27. Курукин И.В. «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе. *Ориенталистика*. 2023;6(1):87-96.
28. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII века. Москва: Наука. 1966.-323.с.
29. Никонов О. А. Из истории дипломатической практики России на Востоке //Преподаватель XXI век. 2008. № 4. - с.144-152.
30. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. № 3848.

31. Полное собрание законов Российской империи. [ПСЗРИ]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830. Т. 5. № 3097.
32. Полное собрание законов Российской империи. [ПСЗРИ]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1832. Т. 7. № 4298. с.110-112
33. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, [СИРИО]. Т. 104: Бумаги Кабинета Министров Императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.: Том I (годы с 1731 по 1732) / Собр. и изд. под ред. А. Н. Филиппова. - 1898. - 580с.
34. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, [СИРИО]. Т. 91: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, за 1741 год: Сообщения из английского государственного архива Министерства Иностранных Дел: Ч. 10. Санкт-Петербург: Тип. М.М.Стасюлевича, 1894. – 531 с.
35. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний // Ежемесячные известия об ученых делах. Санкт-Петербург: 1763. - 192с.
36. Турилова Л.С. "Русские дипломатические представители в Персии и Турции в XVIII в." //"Анналы. Бюллетень Института Востоковедения", Выпуск 4. 1996. стр. 104–118.
37. Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Москва: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Т. I. -678.
38. Штейнберг Е.Л. Первые исследователи Каспия. (XVIII–XIX в.в.). Москва: Географиздат, 1949.76с.